

---

---

---

Г. И. АНОХИН

## ОБЩИННЫЕ ТРАДИЦИИ У СОВРЕМЕННОГО НОРВЕЖСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Вплоть до наших дней в Норвегии проявляли чрезвычайную живучесть элементы дофеодальных отношений, в частности, общинные традиции крестьянства. Во многом это объясняется тем, что Норвегия не знала крепостного права, хотя феодализм и получил там свое развитие в средние века в своеобразной форме.

Сохранение пережитков характерного древнего права крестьянских общин представляет большой научно-теоретический интерес. Поэтому, несмотря на скудость опубликованных в Норвегии материалов по этому вопросу<sup>1</sup>, стоит, пожалуй, попытаться проанализировать формы общинного права, бытующие в Норвегии на протяжении последнего столетия, и выявить преемственность общинных традиций современного норвежского крестьянства.

Для современной Норвегии характерен хуторской тип сельского поселения. Хутор, как и отдельные двор или усадьба в составе большого сельского поселения, называется горд. Однако в середине — конце XIX в. был распространен другой тип поселения — групповой, в котором несколько гордов составляли относительно компактный населенный пункт — тун или гренн, насчитывавший от 2—8 до 15—16 крестьянских дворов.

Чем больше хозяйств входило в тун, тем сложнее было пользоваться землей. Пахотные земли в большинстве случаев уже находились в частной собственности разных хозяев, располагались чересполосно, иногда разделялись общинными угодьями — обменными сенокосами и лесами. Чересполосица создавала большие неудобства в землепользовании и сковывала общинников рядом правил при передвижении через земли и необходимостью одновременных работ на тех или иных угодьях. Уже в конце XVIII в. ощущалась необходимость в законе о переделе и консолидации пахотных земель, юридически еще остававшихся общинной собственностью в безвременном пользовании. В средневековой Норвегии этот вопрос фактически не регулировался государственным законодательством, в отличие от Дании и Швеции<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Вопросами развития общины, правда, главным образом средневековой, занимались многие норвежские исследователи: Ф. Брандт, Э. Хериберг, Г. Танк, А. Тарангер, Кр. Вистед, О. А. Енсен, Кр. Эстберг и другие. Но систематическое исследование общинных традиций современного норвежского крестьянства началось в Норвегии лишь с 1932 г. в Институте сравнительного изучения культурных явлений, сотрудники которого накопили к настоящему времени громадный материал — около 15 тысяч рукописей. К сожалению, опубликовано пока немного: несколько докладов А. Холмсена, Х. Бьёрквика, ряд сообщений Р. Фрисманнслюнн. Работы последнего автора содержат исключительно ценный материал полевых исследований.

<sup>2</sup> A. H o l m s e n, General Survey and Historical Introduction, «The Old Norwegian Peasant Community», Stockholm, 1956, стр. 31—32.

Датско-норвежский совет по рентам начал работу над подготовкой норвежского акта об огораживании в 1790-х гг. и закончил ее в 1803 г., собрав громадное количество докладов о различных условиях землепользования, существовавших по всей стране. Но сам акт был принят только в 1821 г. Реализация закона об огораживании началась далеко не во всех районах Норвегии, и так как этот процесс проходил крайне медленно, то в 1857 г. новым актом были узаконены уже осуществленные передел, консолидация и огораживание индивидуальных участков бывших общинных земель, закрепляемых в частную собственность.

Процесс огораживаний проходил сложно. Например, на общинных землях Гудёй в приходе Йиске в провинции Сюннмёре луговые земли по взаимному согласию были перераспределены в 1838 г. До этого луга не были закреплены за определенными держателями и каждый год перераспределялись во время сенокоса. Перераспределение 1838 г. закрепило в частную собственность луговые земли и расположенные на них пахотные участки. Однако в 1864 г., на основе акта об огораживании 1857 г., было проведено по взаимному согласию новое перераспределение, в результате которого земельные участки были консолидированы, а их количество сокращено. На соседней общинной земле Юв огораживание было проведено только в 1905 г.<sup>3</sup> Но как в Гудёй, так и в Юве до сих пор встречаются примеры совместной собственности на луга и имеются свидетельства того, что крестьяне и теперь сообща проводят сенокос и делят скошенное сено<sup>4</sup>. Аналогичную картину затянувшихся огораживаний можно наблюдать и в других районах, например, в районе Вик фюлка Согне, где огораживания были проведены в 1859 г., а в конце XIX — начале XX в. дополнительно уточнены границы и проведены новые огораживания, а также в районе к северу от озера Вантсватнет, в фюлке Восс, где огораживание провели лишь в 1910—1911 гг.<sup>5</sup> В целом по стране огораживания далеко не закончены даже в настоящее время, особенно в западных горных районах на лесных участках не промыслового значения и отдаленных пастбищах и лугах<sup>6</sup>. Например, в туне Стейнсланн в долине Мудалена севернее Бергена луга перешли из общинной в частную собственность только в 1920-х годах. Но лишь в 1953 г. при окончательном перераспределении земель была проведена консолидация пашен и лугов в отдельные частновладельческие участки. Однако пастбища и в 1959 г. находились в общем пользовании, а леса были разделены на отдельные держания между тремя хозяйствами, составляющими

аун<sup>7</sup>.

В XIX в. во всех сельских местностях параллельно существовало два вида общины: дворовая или хуторская и соседская. Термин «дворовая» или «хуторская» община (*gårdssamfunn*) введен сотрудниками Норвежского института сравнительного изучения культурных явлений для обозначения отношений, возникающих в крестьянском дворе между его владельцем, с одной стороны, и батраками и домашней прислугой — с другой, между наследником усадьбы и его братьями и сестрами, а также всех других возможных отношений, которые возникают между членами

<sup>3</sup> H. B i g k v i k, The Farm Territories, «The Old Norwegian Peasant Community», Stockholm, 1956, стр. 50.

<sup>4</sup> Там же, стр. 53.

<sup>5</sup> Там же, стр. 59—60.

<sup>6</sup> A. H o l m s e n, Указ. раб., стр. 25.

<sup>7</sup> R. F r i m a n n s l u n d, A Cluster Settlement in Western Norway, «Géographie et histoire agraires», Université de Nancy, Mémoire № 21, 1959, стр. 214.

экономического коллектива горда, стоящего отдельным хутором или входящего в тун<sup>8</sup>.

Дворовая или хуторская община включает в себя всех людей, которые родственно или экономически связаны с владельцем горда: его жену, родителей (если владелец наследовал хозяйство при их жизни), детей, братьев и сестер, а также батраков, домашнюю прислугу, арендаторов, бездомную бедноту или инвалидов, которые согласно определению прихода живут в качестве иждивенцев при крестьянском дворе. Прежде в эту группу временно могли входить и бродячие ремесленники, особенно портные и сапожники, которые в Норвегии до начала нашего века жили, как правило, в доме заказчика до выполнения заказа.

Представляется возможным, что скорее всего этот коллектив людей возник из большой патриархальной семьи, или домового общины, как ее пережиточной формы, после распада этой семьи, местами в раннем, а нередко и в позднем средневековье, вплоть до XIX в. Ведь в Норвегии нередко были случаи, когда и сама большая патриархальная семья существовала до нового времени<sup>9</sup>. Но поскольку эта пережиточная форма все-таки уже не была, строго говоря, большой патриархальной семьей, то и социально-экономический коллектив людей — родственников и неродственников — лучше не называть, во избежании путаницы, тем же научным термином, что и собственно большую патриархальную семью. Однако в самой Норвегии этот коллектив как таковой еще не изучен в сравнительно-историческом сопоставлении с большой патриархальной семьей, и у норвежских исследователей пока нет указаний на то, что это пережиточная форма большой патриархальной семьи. Не исключена также возможность того, что авторы прошлого столетия и даже наши современники, писавшие о живучести большой патриархальной семьи, часто имели в виду именно ее пережиточную форму — хуторскую общину.

В южных, западных и северных районах Норвегии, где природные условия более суровы, чем на востоке страны, социальные различия между хозяином двора и его работниками, по свидетельству Фриманнслюнн, могли 'быть слабыми'<sup>10</sup>. Обычно хозяйства в горных долинах западной Норвегии были маленькими и число наемных рабочих в них незначительным. Нередко батраки и прислуга были родственниками владельца двора, его братьями или сестрами. На юго-востоке страны и в Трёнделаге, где социальная дифференциация населения зашла значительно дальше, социальные различия между владельцем горда и прочими обитателями двора нередко были весьма значительными.

Р. Фриманнслюнн отмечает, что «главным фактором, цементирующим дворовую общину в одно целое, была власть, проявляемая хозяином», иначе говоря, большая экономическая зависимость членов дворовой общины от произвола хозяина. Она указывает на глубокий патриархализм власти хозяина: «Считалось само собой разумеющимся, что хозяин принимал все решения о работах в хозяйстве. Но его власть простиралась и дальше. Сыновья, дочери и прислуга — все должны 'были, например, просить его разрешения выйти погулять вечером в любой день, кроме воскресенья'»<sup>11</sup>, когда разрешения не требовалось.

В течение последних 400 лет в Норвегии установилось, как закон, право наследовать родительский двор старшему сыну (gardsgutt) или,

<sup>8</sup> R. Frimannslund. Girds- og grannesamfunnsundersökelsen, Oslo, 1955, стр. 1.

<sup>9</sup> O. A. Johnsen, Norges bønder, Oslo, 1936, стр. 37—38.

<sup>10</sup> R. Frimannslund, Farm Community and Neighbourhood Community, «The Old Norwegian Peasant Community», Stockholm, 1956, стр. 64.

<sup>11</sup> Там же, стр. 65.

при отсутствии сыновей, старшей дочери (gardsgjenta). Однако в Норвегии никогда не было закона, который бы определял время начала этого наследования, и в дворовых общинах ориентировались на собственные местные обычаи. Чаще всего считалось, что сын вступал во владение двором тотчас после женитьбы или даже во время свадебной церемонии. Сам же вопрос о времени женитьбы и кандидатуре невесты чаще всего зависел от произвола родителей наследника, прежде всего — хозяина двора.

Вопрос о вступлении наследника во владение двором тесно связан также со своеобразным обычаем дворовой общины, своеобразной формой пенсии для родителей, носящей название кор (kår). Когда родители передавали двор сыну, между двумя сторонами заключался контракт, гарантировавший обеспечение сыном жизненного уровня родителей, соответствовавшего степени зажиточности двора. Это, может быть, самая ранняя форма помощи престарелым, возникшая еще на грани распада первобытнообщинного строя и появления классового общества. В небольших дворах горных и прибрежных районов Норвегии кор бытует до сих пор<sup>12</sup>. Условиями кор оговаривались также несовершеннолетние дети — братья и сестры наследника.

Право единонаследия, которого придерживались в большинстве хозяйств страны, особенно в плодородной долине Гюдбраннсдала, естественно, никоим образом не препятствовало социальной дифференциации. Оставшиеся без наследства либо работали в хозяйстве брата батраками или прислужой, либо устраивались на такую же работу в чужие хозяйства, нередко даже в других районах страны.

Экономические отношения, которые возникали между ближайшими дворовыми общинами, и общность прав этих общин на окружающие их угодья — леса, пастбища, водоемы, а зачастую и луга — порождали постоянный коллектив соседей — соседскую общину. Традиционные границы соседских общин могли быть различными. Они или ограничивались угодьями, которыми по традиции пользовались хозяйства одного туна, или оказывались значительно шире, охватывая большой район с угодьями, состоящими в пользовании нескольких далеко разбросанных гордон и даже тунов.

Интересно отметить, что в некоторых районах Норвегии даже пахотная земля вплоть до XIX, а в ряде случаев и до XX в., оставалась в соседской общинной собственности. Карты огораживаний показали, что к моменту их составления, когда пахотная земля в западных районах Норвегии уже не была общинным держанием, в северной Норвегии и пахотная земля и луга вплоть до 1900 г. были собственностью соседской общины. Этот факт стал известен норвежским ученым только тогда, когда они планировали полевые исследования на севере страны и изучали карты огораживаний XIX и первой половины XX в.<sup>13</sup> В дальнейшем материалы, собранные в районе Луфотенских островов и севернее их, подтвердили, что там на пашнях даже в XIX в. членами соседской общины совместно проводились не только пахота и сев, что бывало также и в западной части страны, но и уборка урожая, а зерно делилось на доли и распределялось по жребью. В некоторых северных тунах общинные пашни были разбиты на полосы и поделены между общинниками после 1821 г. В большинстве же мест здесь пашни оставались общинными вплоть до огораживаний, проведенных по акту 1857 г., а нередко и столетия спустя. К сожалению, нет подробных цифровых данных по

<sup>12</sup> R. Frimannslund, Farm Community and Neighbourhood Community, с. р. 67.

<sup>13</sup> H. Bjørkvik, Указ. раб., стр. 54.



стране о том, сколько еще угодий находится в общинной собственности в настоящее время. Известно тем не менее, что в прибрежных и фьордовых районах запада и севера до сих пор бытует общинная собственность на отдаленные пашни, луга, пастбища, леса<sup>14</sup>. В упомянутом туне Стейнсланн полстолетия назад все угодья, кроме пашен, находились в общинной собственности. Карта владений показывает, что используемая в хозяйстве земля до перераспределения 1953 г. состояла из 130 небольших участков. Каждый хозяин имел по одному участку пользования на разных по местоположению, качеству и назначению угодьях. Пахотная земля была в частной собственности и большая часть ее располагалась на приусадебном участке (innmark), отгороженном от общинных пастбищ. Часть пахотной земли находилась среди пастбища и каждый отдельный кусок пашни был также огорожен. Луговые участки не принадлежали постоянно какой-либо из трех крестьянских семей туна, а ежегодно переходили по очереди к каждой из них. В период жизни последних поколений главы хозяйств время от времени пересматривали качество участков и устанавливали «как можно более справедливые границы», увеличивая или уменьшая общее число и размеры участков<sup>15</sup>. Интересен и другой пример. Тун Дьупвик, расположенный близ города Флеккефьорд на юге Норвегии, состоит из 7 крестьянских хозяйств. Деление приусадебных пашен и лугов между хозяйствами произошло здесь в 1837 г., а отдаленный земельный участок остался общинным, так как разделить его — оказалось тогда невозможным. Когда же в 1951 г. проводилось последнее огораживание, обнаружилось, что здесь была необыкновенная чересполосица мелких участков пашен и лугов — всего 250 полос и кусков, принадлежавших этим семи хозяйствам<sup>16</sup>. Приведенные факты наглядно показывают, что общинная собственность на земельные угодья как пережиточная форма земельного права, встречается и в наши дни. В ряде районов или, по крайней мере, в ряде групповых поселений — тунов — она составляла заметную часть земельной собственности всего какой-нибудь десятков лет назад.

Когда общинная собственность была господствующей формой собственности, она порождала общность работ, коллективное решение различных вопросов в быту, обязанность общинной взаимопомощи и являлась основной для общинного самоуправления. Естественно поинтересоваться, как сказывались пережитки общинной собственности на хозяйственном и общественном быте в сельских местностях Норвегии в прошедшее полстолетие и как они сказываются в наши дни.

Более всего сохранилась общинная собственность на леса, причем та те, которые используются только для местных целей и древесины которых либо вовсе не продается, либо продается в небольших количествах. К таким лесам относятся лавинозащитные участки на склонах гор над населенными пунктами, небольшие леса вдоль дорог, древесина которых идет на ремонт мостов, изгородей, строительство в крестьянском хозяйстве, на дрова. Общинная собственность принадлежит всей общине, но никому конкретно из ее членов. Поэтому во избежание наговоров со стороны других общинников, заготовка дров или строительных материалов производилась в лесу одновременно всеми — из каждого хозяйства выделялся работник. Срубленный лес делили между общинниками. Правда, есть сведения, что в некоторых общинах каждый общинник мог идти сам и срубить столько леса, сколько ему было нужно для строительных

<sup>14</sup> Там же, стр. 54.

<sup>15</sup> R. Frimannslund, A Cluster Settlement in Western Norway, стр. 214.

<sup>16</sup> R. Frimannslund, Farm Community and Neighbourhood..., стр. 78.

целей в своем хозяйстве или на дрова. Но если один из общинников намеревался нарубить леса для продажи, то он должен был получить согласие остальных. Однако чаще лес для продажи рубили все вместе, после чего нарубленное делили и продавали<sup>17</sup>.

Встречались и другие правила. Например, каждый общинник мог рубить лес с разрешения общинников только в указанном ему определенном месте. В таких общинах крестьянин обычно знал место, где ему, как правило, разрешалось рубить лес каждый раз, когда он просил об этом. Со временем это привело к появлению у каждого общинника «своего» постоянного места, что на практике привело к действительному разделению лесного угодья задолго до его юридического раздела на частные владения.

То же самое можно отметить относительно прав рыбной ловли на реках и озерах. В одних случаях ловить рыбу могли все общинники это мере надобности. В других случаях требовалось специальное разрешение коле лектива общинников, которые могли ограничить или вовсе запретить лов. Но наиболее распространенное или, по-видимому, старое правило гласило, что ловить могут все в одно и то же время, при равном (или соответствующем хозяйству) числе участников от каждого хозяйства с использованием одинакового типа рыболовных снастей<sup>18</sup>. Очевидно, каждая из общин опиралась на те обычаи, которые сложились в данном конкретном месте.

Особенно ярко общность работ общинников проявляется на пашне и на лугу. До огораживаний, а они, как уже отмечалось, в ряде случаев были проведены всего 10 лет назад, число участков оказывалось весьма велико, а площади их были незначительны. Произошло это вследствие постепенного, из поколения в поколение, деления пашен при наследовании. Чаще всего пашни располагались тесно, одна возле другой, без оград или вперемежку с луговыми участками. Чтобы попасть на свой участок пашни или луга, общинник должен был пройти или проехать через пашню или луг соседа. Поэтому в общинах существовало правило, что все работы, как на пашне (пахота, боронование, сев, прополка, уборка урожая и вывоз его), так и на луге (косовица, сушка, вывоз сена) происходили одновременно у всех общинников. При пахоте и сенокосении на конной тяге лошади на поворотах заходили на край поля соседа и это было разрешено. На языке общинников существовал даже специальный термин для обозначения этого права. Так, например, в Сюннмёре термин «хестатраккье» означает право общинника при работе на своем участке ввести лошадь на полосу вдоль межи на участке соседа. В долине Тейгдален то же самое обозначается термином «фотаферен»<sup>19</sup>. Но это право действует, пока сосед не засеял участок, иначе свою вспаханную полосу края общинник должен вскопать лопатой. Впрочем, в этих случаях в некоторых районах Норвегии соседские общины допускали исключения. В Раундалене, например, разрешали переход и переезд через пашню в течение трех дней после посева, но с условием, что затоптанный участок будет затем проборонован, а оголенные семена присыпаны землей.

На сенокосы также выходили все одновременно, иначе травостой мог быть затоптан проходящими на свои участки соседями. Прежде всего косцы обкашивали полосы вдоль краев участка, что обычно называлось

<sup>17</sup> R. Frimannslund, Farm Community and Neighbourhood Community, стр. 74.

<sup>18</sup> Там же, стр. 76.

<sup>19</sup> R. Frimannslund, Fellesskap og avhengighet i gård-og bygdesamfunn, Bergen, 1945, стр. 4.

«освободить дороги»<sup>20</sup>. Но если кто-нибудь не сделал этого своевременно, то ехали и шли прямо по участку, и считалось, что виноват сам владелец участка. Правда, в большинстве соседских общин ироезд колесным транспортом вообще запрещался. Разрешался только проезд на саних с неокованными полозьями, равно как и проезд любым транспортом после начала морозов или снегопада, когда появлялась необходимость ехать в лес за дровами или к стогам за сеном.

Коллективный труд общинников требовался также на постройке и ремонте дорог, мостов, придорожных изгородей. Это касалось прежде всего дорог, мостов и изгородей, идущих от горда или туна к горному пастбищу — сетеру. Такие работы велись и по расчистке дорог от снега, когда наступало время ехать на горное пастбище к стогам за сеном или в лес за припасенными с лета, высушенными в штабелях дровами.

Итак, мы рассмотрели ряд фактов, свидетельствующих о большой роли совместных работ в жизни соседской общины. Естественно задать вопрос, направлялась ли каким-либо органом общинников или выборным главой ее повседневная жизнь?

Выше, где речь шла о хуторской общине, уже было показано, что в хуторской общине главой и распорядителем жизни горда был хозяин. Это не исключало, конечно, созывов семейных советов по вопросам, которые глава хозяйства хотел бы обсудить. Но в конечном итоге именно его единоличное решение играло главную роль.

Вопрос о соседской общине вообще и о соседской общине, как самоуправляющейся единице, изучен в Норвегии до сих пор слабо. Особенно это касается самоуправляющейся общины периода последнего столетия. Однако данные, опубликованные в работах норвежских исследователей, говорят о том, что в соседской общине выбирался руководитель, который мог принимать решения, имевшие силу для всех общинников. Он определял также начало общинных работ<sup>21</sup>.

О соседской общине как самоуправляющейся единице более подробно известно по письменным источникам позднего средневековья. К делам органа общинного самоуправления относились: использование общинной земли, сохранение общих интересов общинников на ней, защита интересов общинников от посягательств посторонних, т. е. не членов данной соседской общины, и от королевских чиновников, а также разрешение внутренних конфликтов. С середины XVII в. король пытался ликвидировать общинное самоуправление, но ему удалось лишь ограничить его. Однако в средневековых письменных источниках все-таки нет данных о каком-либо единоличном выборном главе общины. Все вопросы, связанные с внутренней деятельностью общины, решал тинг — собрание общинников. Поэтому тем более интересны сведения о выборном главе соседской общины в новое время, а кое-где — даже в наши дни. Исследовательница современных общинных традиций норвежского крестьянства Р. Фриманнслунд так высказывается о времени, когда, возможно, впервые стали избирать главу соседской общины: «Мы знаем, что в некоторых случаях подобные явления сравнительно новы, в других случаях такие порядки существовали раньше, однако мы не знаем с каких именно пор»<sup>22</sup>. Как видим, высказывание довольно осторожное.

Как же происходили выборы руководителя общины, какими полномочиями и на какой срок облачали его?

Выборы проводились на общем собрании общинников. Избранный уполномоченный получал права руководителя или распорядителя всех

<sup>20</sup> Там же.

<sup>21</sup> R. Frimannslund, *Farm Community and Neighbourhood...*, стр. 77.

<sup>22</sup> Там же, стр. 77.

общих дел соседской общины. В некоторых общинах, как пишет Р. Фриманнслунн, он назывался «конге» («король»). Срок полномочий «короля» был разным в различных общинах: в одних было принято избирать его на год, в других — на несколько лет.

Решал ли «король» все дела сам? Нет, факты говорят все-таки о решении всех общих вопросов через собрание общинников. В туне один раз в день, обычно утром или вечером, мужчины собирались вместе. Это вошло в привычку и оговаривали только время следующего собрания. Общинники обсуждали, какие им предстоят общие работы и как их провести. Собрание принимало решение, «король» должен был проследить за своевременным выполнением его: напомнить или сообщить, что именно, кому и когда предстоит сделать<sup>23</sup>.

Чтобы лучше понять функции «короля» и собрания общинников, рассмотрим их на конкретном примере, пока единственном в нашем распоряжении — подробно описанного общинного коллектива. Таким общинным коллективом, где до наших дней бытует оригинальная форма общинного самоуправления, является вышеупомянутый тун Дьопвик. Распорядитель дел здесь именуется гардсфют, а общее собрание общинников — гардстинг. В Дьопвике, насчитывающем 7 хозяйств, земельная рента (ланншюльд) исчисляется в 24 условных единицы — телячьих кожи. Хозяйства не равны по своим земельным владениям и по-разному оцениваются, исходя из земельной ренты: четыре хозяйства оцениваются в 4 телячьих кожи каждое, два — в 3 кожи и одно — в 2 кожи. Эти размеры земельных рент оказываются соответствующими коэффициентами при решении вопроса о том, кого выбрать гардсфютом. При ренте в 24 кожи за весь тун в течение 24-х лет могут быть выбраны соответственно представители от хозяйств с оценкой в 4 кожи — 4 раза сроком на 1 год, с оценкой в 3 кожи — 3 раза, а от самого маленького хозяйства в туне — 2 раза<sup>24</sup>. Таким образом, экономическое положение владельца хозяйства имеет важнейшее значение при выборах главы общины.

Гардсфют собирает земельную ренту со сданных в аренду земель и следит за выполнением постановлений гардстинга, а также за всей финансовой стороной дел туна. Помимо обычных тингов (совещаний), созываемых по текущим делам (в этом туне не было обычая собираться каждый день), гардсфют собирает общинников перед рождеством на годовой тинг, где отчитывается о проделанной работе, об общих доходах и расходах, если община таковые имеет. Несомненно, пребывание на посту гардсфюта при умелом руководстве не только должно было способствовать укреплению авторитета данного лица, но, по-видимому, приносило ему и определенные экономические выгоды, хотя мы и не располагаем конкретными фактами подобного рода, кроме факта льготы на ловлю лосося, не имеющей, впрочем, в настоящее время большого значения, как пишет об этом Р. Фриманнслунн<sup>25</sup>.

Общинные традиции ярко проявляются и в различных видах взаимопомощи между общинниками: в труде, в повседневном быту, в помощи семьям при устройстве свадеб, крестин, похорон и т. п. При хуторском типе поселений их разбросанность могла быть довольно значительной, иногда на протяжении большой долины, поэтому внутри каждой соседской общины возникли и существуют в ряде мест до наших дней более или менее постоянные группы общинников — ближайших соседей, связанных обязанностью взаимопомощи. Одна из таких групп называется граннелаг. Он охватывает все хозяйства в пределах одного группового

<sup>23</sup> R. Frimannslund, Farm Community and Neighbourhood Community, стр. 77—78.

<sup>24</sup> Там же, стр. 81.

<sup>25</sup> Там же.



поселения — грэнна или туна. Члены граннелага оказывали друг другу помощь при устройстве свадеб, приносили провизию для свадебного пира. Женщины граннелага поочередно помогали роженице в присмотре за новорожденным до его крестин. Взаимопомощь действовала и во время похорон: члены граннелага помогали достать материал для гроба, сколотить гроб, относили покойника на кладбище (иногда это было довольно далеко — в противоположном конце долины или за перевалом), вырывали могилу и погребали покойника. Все эти обязанности общинники выполняли без какой-либо просьбы со стороны семьи, нуждающейся в помощи. Это была их традиционная обязанность, которая разумелась сама собой. Никто из членов граннелага не должен был просить соседей о помощи — она приходила сама собой и приходила обязательно.

Более широкий круг общинников, обязанных помочь семье соседа в пределах всей соседской общины, — нескольких разбросанных гордов или тунов — носит название белаг, или бедлаг<sup>26</sup>. В отличие от граннелага, белаг предполагает необходимость просьбы о помощи со стороны нуждающихся в ней. От этого и происходит само его название: *be-*, *bede* — «просить», *lag* — «объединение людей»<sup>27</sup>.

Норвежские исследователи не сообщают, почему одна и та же по существу традиция общинной взаимопомощи в различных границах соседской общины имеет два таких разных оттенка. Они не указывают, были ли общинники граннелага родственниками или членами более близких между собой семей по сравнению с остальными семьями соседской общины, не входящими в граннелаг. Но судя по характеру помощи и тому обстоятельству, что ее должны были оказать обязательно и без просьбы самой семьи, в отличие от других видов общинной помощи, когда нужно просить о ней соседские хозяйства, думается правомочным предположить, что перед нами в граннелагах предстают пережитки патронимии или патронимических гнезд в составе соседских общин. Конечно, возможно также, что традиция белага возникла и по другой причине — вследствие отдаленности друг от друга соседских семей, расселенных по разным гордам общины, и действительной необходимости оповестить соседей о различных семейных событиях и тем напомнить, а может быть и попросить о помощи: все-таки людям нужно будет прийти издалека, что нередко бывало затруднительно, особенно в непогоду.

Во время крестин и поминок еду приносили с собой общинники, участвовавшие в помощи, а хозяева двора, которому оказывалась помощь, представляли на стол только пиво<sup>28</sup>. То же самое бывало и на свадьбах, приглашая на которые как бы предлагали членам белага внести свой пай для организации этого торжества. На свадьбе, приветствуя молодых, община как бы принимала в свои ряды нового члена. Прежде, во всяком

<sup>26</sup> Отражая особенности местных диалектов, этот термин в различных районах Норвегии произносится и даже пишется по-разному. В Валдресе, Энгердале, Нэсе и Ромерике говорят *й* пишут *bealag*, в Ланне и Сулере — *bealrag*, в Ломе и Шьёке — *beiarlag*, в Санновере и Брюнланесе — *baalag*, в Хейланнете и Сёр-Трённелаге — *baulag*, в Румсдале — *bulag*, в Мелдалене и отчасти в Сулёре и Эльверуме — *bolag*. См. Kг. Ostberg, *Grand — grannelag — belag*, «Ny jord», Aarg. 7, Kristiania, 1920, стр. 25.

<sup>27</sup> Р. Фриманнслунн (*Farm Community and Neighbourhood...*, стр. 70) указывает, что «члены бедлага заходят друг к Другу только по приглашению»; значение этого объединения показывает само его название: члены объединения были «*be*», то-есть «просимы», «приглашаемы».

<sup>28</sup> Именно поэтому в некоторых районах белаг называют более конкретно, отражая суть всего приглашения. Например, в Гейрангере приглашение помочь похоронить называлось «гравэльлаг» («грав» — «могила», «эль» — «пиво» и «лаг» — «объединение людей», т. е. примерно — «компания, собравшаяся на похороны с поминальным пивом»).

случае в конце XIX — начале XX в. особый обряд даже прямо утверждал, этот прием в члены общины — общинники-мужчины поднимали на руках жениха, провозглашая: «Мы поднимаем тебя до уровня хозяина двора!»<sup>29</sup>.

- Если жених и невеста были из смежных соседских общин, то на свадьбу приглашали общинников из обоих белагов. И хотя иногда в такой, свадьбе принимало участие от ста до трехсот человек, все же благодаря обычаю приносить с собой еду на все время свадьбы (обычно от 3 до 7 дней) семья и в этом случае могла обеспечить стол, так как выставляла из своих запасов в основном пиво<sup>30</sup>.

Из норвежских исследователей лишь Фриманнслунн делает некоторую попытку проанализировать «социальный состав белага». Правда,, делает она это, пытаясь выяснить лишь то, кого приглашают на белаг — только ли хозяев двора или еще и батраков и прислугу. Она сообщает, что хозяева и те, на которых распространяются льготы «кора», всегда входят в -белаг. Постоянная прислуга тоже принадлежала к белагу на юге, западе и севере страны. А на востоке — только в некоторых общинах. Сообщается, что на востоке владельцы крупных гордов обычно образуют свой белаг вместе с чиновниками и сельской интеллигенцией<sup>31</sup>. Положение батраков и арендаторов более сложно. В некоторых восточных приходах их приглашали, но главным образом для присмотра за лошадьми хозяев, и только поздно вечером на какое-то время допускали к столу. Но в другой части восточных приходов арендаторы, батраки и мелкие хозяева образовывали свой собственный белаг, «независимый от хозяев»<sup>32</sup>. Семья, входящая в белаг бедноты, приглашала на семейные события и своего хозяина или богатого соседа, но обычно делала это на второй или третий день. В западных районах, где, как об этом можно догадаться по намекам Р. Фриманнслунн, хозяйства относительно невелики и слабее классовая дифференциация, батраки и арендаторы относятся к общему для всех белагу<sup>33</sup>. На этом, собственно, и исчерпывается «социальная характеристика белага» по тем небольшим опубликованным материалам, которыми мы располагаем.

Еще одна из важнейших общинных традиций норвежского крестьянства, бытующая до наших дней, — общинная взаимопомощь в труде (дюгнад)<sup>34</sup>. Дюгнад мог организовать любой член соседской общины, когда ему одновременно требовалось больше рабочей силы, чем было в его хозяйстве. Дюгнад — добровольное объединение общинников, которые работали в хозяйстве соседа по его просьбе. Правда, добровольность эта весьма относительна. Юридически каждый общинник был вправе выйти из дюгнада, не участвовать в оказании помощи работой и соответственно не претендовать тогда на помощь от других. Но фактически это было малоосуществимо, так как общность угодий и общие сроки, ряда работ на своих участках, когда приходилось переезжать через участки, находящиеся в пользовании соседей, а иногда и общий труд в од-

<sup>29</sup> R. Frimannslund, Farm Community and Neighbourhood..., стр. 70.

<sup>30</sup> Там же, стр. 71.

<sup>31</sup> R. Frimannslund, Gards- og grannesamfunnsundersøkelsen, стр. 12—13.

<sup>32</sup> Там же, стр. 12.

<sup>33</sup> R. Frimannslund, Farm Community and Neighbourhood..., стр. 72.

<sup>34</sup> Слово «дюгнад» происходит от древненорвежского глагола «duga» в значении? «помогать». Отсюда образовалось существительное «dugnadr» — «помощь». В средневековье возникла боковая форма «dugning», которая после королевского письма 1539 г. получила искаженную форму «donningh», а в письме 1552 г. — «doffningh», что нашло отражение в книгах судебных протоколов даже в XVII в. в виде книжной формы «duvning». См. «Diplomatarium Norvegicum», III, 1154; Kr. Ostberg, Dugna'd'-«Ny jord», Aarg. 12, Oslo, 1925, стр. 2.

ном месте (на весновспашке, севе, сборе урожая, который затем делили в зависимости от затрат труда и капитала — инвентаря и тяглового скота) экономически сковывали, закабалили общинников, делали их членами дюгнада помимо их воли и желания. Это была форма взаимопомощи, которая представляла одновременно привилегии и обязанности, и никто не мог избежать их. Общинник мог принять участие в дюгнаде много раз за свою жизнь, ни разу не нуждаясь в такой помощи сам.

В дюгнаде не было никакого правления, доверенного лица или председателя. Нуждавшийся в помощи сам заботился о том, чтобы довести об этом до сведения соседей, каждого в отдельности<sup>35</sup>. Территориально дюгнад мог быть небольшим. Например, для выполнения мелкой работы достаточно было собрать ближайших соседей гренна, или туна — граннелаг. В случае более трудоемкой работы приглашали соседей в пределах одного или двух белагов<sup>36</sup>.

Производимые работы были разнообразны: расчистка от камней участка пашни, перевозка сена с отдаленного сенокоса, жатва, если какое-нибудь хозяйство почему-либо не управлялось с ней, доставка лесоматериалов для строительства дома, покрытие крыши березовой корой и дерном, сбор листьев в лесу на зимний корм скоту, расчистка нового участка общинной земли под пашню и другие.

Первоначально дюгнад был, возможно, только помощью в виде работы, без обязательного угощения потом. Однако постепенно установилась практика угощения за работу едой с пивом или самогонкой. В ряде случаев под дюгнадом понимали приглашение погостить за помощь работой. Поэтому, например, в Сулёре и Эстердалене со времен средневековья наименование «дюгнад» было вытеснено прямым названием «эль» — пиво. В Борге и Шьеберге дюгнад называют «ельп-эль» — пиво за помощь, в Раккестаде — «хьер-эль-дюгнад» — пиво за помощь перевозкой, а в Иде — «шлот-эль» — пиво за сенокос<sup>37</sup>.

Помощь получали и оказывали хозяйства, крестьянские дворы, а не отдельные люди. В дюгнаде, как и в белаге, также проявлялось социальное неравенство. При проведении дюгнада у кого-либо из членов соседской общины в работе участвовали от мелких хозяйств сын, дочь или сам хозяин, в то время как от крупных хозяйств на дюгнад являлся кто-либо из прислуги, батраков, реже кто-либо из членов «кора». В то же время следует сказать, что богатый крестьянин нуждался чаще и в значительно большем числе помощников, чем бедняк или середняк, ибо у хозяина крупного двора было гораздо больше различных построек, земли и скота. Естественно, что богатый крестьянин чаще использует труд общинников в форме дюгнада и реже участвует сам в такой помощи беднякам, ибо и дюгнад у бедняков требуется реже, да и необходимость угощения после работы не каждому хозяйству по плечу.

Значительно более частое использование труда общинников в форме дюгнада в классовом обществе явно является скрытой формой классовой эксплуатации и одним из свидетельств того, что бытование общинных традиций в наши дни выгодно прежде всего богатым. Дюгнад и сейчас еще бытует в сельских районах Норвегии, хотя к нему прибегают в условиях распада остатков общинных традиций все реже<sup>38</sup>.

<sup>35</sup> Kr. Ostberg, Grand — grannelag — belag, стр. 26—27; его же, Dugnad., стр. 4.

<sup>36</sup> Я. Frimannslund, Farm Community and Neighbourhood..., стр. 72.

<sup>37</sup> Kr. Ostberg, Dugnad, «Ny jord», Aarg. 7, Kristiania, 1920, стр. 97.

<sup>38</sup> R. Frimannslund, Co-operation and exchange work in Norwegian Cluster-Settlements, «The village», т. II, № 1, 1956, London, стр. 22.

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что общинные традиции норвежского крестьянства живы и в наши дни. На некоторые уголья частично сохраняется общинная собственность — на горные пастбища, на непромысловый лес, некоторые водоемы. Бытует общность многих видов общинных работ, коллективное решение вопросов, связанных с использованием общинной земель, обязанность общинной взаимопомощи — граннелаг, беллаг и дюглад, некоторые формы общинного самоуправления — собрание общины (гардстинг) и выборный уполномоченный общины (гардсфют). Чем же объяснить такую живучесть общинных традиций в Норвегии? По-видимому, тем, что Норвегия относится к числу стран, где феодализм возник на почве еще полностью неразложившегося первобытнообщинного строя и экономически незрелого рабства. В Норвегии феодализм развивался в основном на базе подчинения и закрепощения свободной соседской общины. Поэтому процесс развития и формирования феодализма в этой стране оказался замедленным и сопровождался в течение всего средневековья борьбой крестьянства под знаменем общины. Именно к Норвегии с полным правом должно быть отнесены слова Маркса о том, что крестьянская община «в течение всех средних веков была единственным очагом народной свободы и жизни»<sup>39</sup>.

Бурное развитие производительных сил на капиталистической основе началось в сельском хозяйстве Норвегии только в XIX в. Оно сопровождалось экономической дифференциацией крестьянства. Хозяйство, перестав быть натуральным, все более втягивалось в товарное производство продуктов животноводства, для чего нуждалось в более интенсивном использовании кормовой базы. Однако этому препятствовал ежегодный передел лугов. Требовалось перераспределение и огораживание угодий. Но если, например в Англии, это огораживание произошло еще в конце XV — начале XVI в., во Франции — в конце XVIII в., то в Норвегии оно местами началось только после 1830-х годов, более интенсивно проходило во второй половине XIX в., однако продолжалось и позже, завершившись лишь в первой половине XX в. Именно этим запоздалым процессом перехода общинных земель в частную собственность и частичным сохранением некоторых угодий в общинной собственности объясняется бытование общинных традиций норвежского крестьянства и в наши дни.

## SUMMARY

In 19 century everywhere in the norwegian countryside two types of communities existed: the farm-stead type (gardssamfunn) and neighbour type (grannesamfunn). The author considers the farmstead type as a survival form of a large patriarchal family. The article is citing some examples of a relatively recent existence of a communal property for forests, pastures, water reservoirs, and sometimes meadows, and demonstrates, how common property resulted in common labour, which led for centuries to certain stable rules and traditions. This is especially manifested in certain forms of mutual aid among commoners, in labour, in everyday life, in organization of wedding, christening and funerals.

In the search for a source of such stability in communal traditions till recent days the author supposes that the feudalism originated in Norway on the basis of an incomplete decomposal of primitive communal society and of economically immature slavery, so typical for Scandinavia. Thus the process of development and formation of feudalism was retarded. The redistribution and fencing of lands also began rather late. This retardation of transition of communal lands into a private property and partial preservation of certain lands in communal property can explain the existence of communal traditions among Norwegian peasantry till nowadays.

<sup>39</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 27, стр. 694.